

*Автор благодарит Юрия Шорина
за помощь в исправлении
исторических неточностей.*

ГЛАВА 1

Бегство из Лемберга

Штабс-капитан Павел Лыков-Нефедьев сидел на стопке газет и старался не шевелиться. Самое время было вспомнить уроки отца, умевшего часами обходиться без движения... Папаша не смог воспитать из отпрыска такого же пластуна, как он сам. Но кое-какие навыки привил. Теперь Павлу пришлось их вспомнить — впервые в жизни.

Штабс-капитан должен был встретиться на Лычаковском кладбище в Лемберге♦ с агентом-маршрутником и получить от него очень важное донесение. Подпоручик Яцевич, офицер разведывательного отделения штаба Варшавского военного округа, вез сведения о польской организации «Союз активной борьбы». Его создал небезызвестный Иозеф Пилсудский, вождь ППС — Польской социалистической партии, ставящей целью обретение Польшей независимости. Одновременно с союзом учредили Польскую военную казну — секретный фонд для финансирования по-

♦ *Лемберг* — название столицы Галиции — города Львова в Австро-Венгрии. (Здесь и далее примеч. автора.)

встанческого движения. Пилсудский договорился с австрийской разведкой о сотрудничестве. Австрийцы предложили полякам организовать в Галиции и Малой Польше целую сеть стрелковых союзов по образцу тирольских. Это была замаскированная форма военного обучения поляков как ядра их будущей армии. Военное министерство выдало стрелкам оружие, патроны, даже взрывчатку, а еще серьезную сумму денег. Все это крайне интересовало русскую разведку, но ее дела в Австрии трещали по швам. Эвиденцбюро♦ раскрыло шпионскую сеть, созданную русским военным агентом в Вене полковником Здановичем.

Неделю назад, в первых числах марта 1913 года, Зданович был вынужден спешно уехать в Петербург. Оба его нелегальных помощника, Беран и Хашек, с которыми Павел тесно общался, были арестованы контрразведкой. Следом схватили группу Чедомила Яндрича. Этот обер-лейтенант, слушатель военной школы и подающий надежды офицер, был завербован еще предшественником Здановича полковником Марченко. Он привлек к секретной службе двух лейтенантов: своего брата Александра и его приятеля Якова, а также отставного полицейского Юлиуса Петрича, железнодорожного служащего Флориана Линдера и фельдфебеля Артура Итукуша. Резидентура успешно работала два года, и ее провал был сильным ударом для Огенквара♦♦.

Штабс-капитан Лыков-Нефедьев неделю катался по Королевству Галиции и Лодомерии♦♦♦. Он выдавал себя за офицера, который вышел в запас и теперь ищет

♦ *Эвиденцбюро* — австрийская разведка и контрразведка.

♦♦ *Огенквар* — отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, русская военная разведка.

♦♦♦ *Королевство Галиции и Лодомерии* с Великим княжеством Краковским (Малой Польшей) и княжествами Освенцим и Затор — название коронных земель Австрийской монархии после раздела Речи Посполитой в 1772 году.

место управляющего. На самом деле разведчик инспектировал свою агентуру на правах помощника делопроизводителя австрийского отделения Огенквара. Сам делопроизводитель, полковник Самойло, уже не рисковал посещать империю Габсбургов, где был хорошо известен чинам Эвиденцбюро. Теперь, после провала группы Яндрича, было бы правильно свернуть инспекцию и спешно драпать на восток. Но штабс-капитану было жалко терять донесение о галицийских поляках. Он надеялся, что до его маршрутника контрразведка не добралась. Кроме того, вчера на проверке подпоручик дал сразу два знака. Он шел мимо Арсенала, держа в левой руке папиросу. Тем самым сообщая, что донесение передано им по каналу «Монастырь». А на углу агент остановился и почесал затылок, словно размышляя, пойти ему налево или направо. Павел наблюдал за ним из кофейни и сразу насторожился. Помедлив, Яцевич шагнул налево. Это был сигнал о том, что он желает личной встречи с начальством. Следовательно, имеет сказать что-то важное... Такая встреча допускалась в исключительных случаях и была небезопасна, поэтому приходилось принимать самые серьезные меры предосторожности. Павел в тот же день истоптал Лычаковское кладбище и изучил место встречи с агентом. Она должна была состояться возле могилы Антония Езёранского, бывшего полковником польских инсургентов во время восстания 1863 года. Место выбрали удачно: тихая аллея, вокруг густо росли высокие старые деревья, много было и низкого кустарника...

Штабс-капитан сначала решил спрятаться в десяти саженях от надгробия, под сенью приземистой туи. Если нырнуть туда и затаиться, то разглядеть спрятавшегося невозможно. Но, пройдя раз-другой по аллее, разведчик передумал. Наискосок от нужной могилы стояла старая каплица, венчавшая склеп польского рода Дзевятловских-Гинтовт. В нем, судя по надписям, лежало три поколения панов. Крепкое строение, вокруг ухоженные клумбы, вход перегорожен тяжелой дверью с большим висячим замком на цепи. Спрячься в каплице, и тебя никто не увидит, а ты разглядишь любого. Но как туда попасть? Сломать замок можно, но это заметят. Отпереть отмычкой? Была бы она... А если разогнуть звено цепи?

Лыков-Нефедьев постоял перед склепом, словно отдавая дань памяти покойным, быстро осмотрел преграду и принял решение. Возиться с цепью он передумал. Тяжелая дверь с зарешеченным маленьким окном весила на вид не меньше десяти пудов. Если снять ее с петель, чего никто не ожидает, можно протиснуться внутрь и подвесить железо обратно. Замок на месте, вид у него запущенный — давно никто не отпирал. Австриякам и в голову не придет такой фокус, требующий от человека огромной силы и ловкости. Только надо пролезть в каплицу рано утром, за четыре часа до встречи. Если контрразведка оцепит кладбище, то не настолько заранее, а за час-полтора, иначе филеры будут бросаться в глаза.

Штабс-капитан так и сделал. Теперь он сидел, укрытый темнотой склепа, и поглядывал на аллею. Убежище

ему нравилось, но мартовская сырость... Так и простыть легко! Павлука вынужден был время от времени подниматься с газет и делать гимнастику. Когда на кладбище придут люди, уже не попляшешь и придется греться коньяком из фляги. Ну-ну...

Вдруг в конце аллеи появилась темная фигура. Неужели Яцевич тоже пришел пораньше, делает рекогносцировку? Разумно, но и опасно — можно примелькаться, навлечь на себя подозрение служителей. Лычаковское кладбище огромно, затеряться здесь легко, но всему есть мера. Разведчик всмотрелся — и отшатнулся внутрь склепа. По аллее шел к каплице капитан Рыбак!

В свое время бывший военный агент в Вене Марченко сумел достать списки офицеров Эвиденцбюро с описанием их внешности. Павлука заучил приметы тех, кто работал против России, наизусть. Полковник Николас Вауде де Воло, майор Виктор Джезисски, капитан Джулиус Риттер Мальчевски фон Торнау... Все владеют русским, неоднократно посещали империю с секретными заданиями. Юзеф Рыбак, начальник краковского центра, был лучшим из них. Умный, честолюбивый, знает четыре языка, бывал в Киеве и Варшаве. По наружности жуир и весельчак, а на самом деле серьезный противник. Это точно был он! Светлые волосы при черных бровях и усах, в духе лермонтовского Печорина, и кривые ноги кавалериста.

Лыков-Нефедьев сразу понял, как он влип. Кривоногий здесь не случайно. Подпоручик Яцевич тоже

провален и ведет за собой хвост. Как же австрияки узнали, где именно состоится встреча? Неужели они читают наши шифры? Хорошо, что меры предосторожности были предприняты заранее. Хотелось надеяться, что топтуны не заметили, как Павел в утренних сумерках махнул через забор со стороны университетского ботанического сада. Место там было безлюдное, густо заросшее грабами — бывший парк Цетнеровка. До каплицы разведчик шел крадучись и никого не встретил. Калитку снял мигом, спрятался и вернул железяку на место. Петли, правда, взвизгнули в тишине, но смазывать их он поостерегся: вдруг заметят? Теперь оставалось таиться и ждать, в надежде, что его не обнаружат.

Черноусый капитан прошелся взад-вперед и вскоре исчез. Но с этого момента аллея уже находилась под наблюдением. Разведчик слышал шаги слева. Крепкий дядя подошел к каплице и тщательно осмотрел замок. Вскоре справа появился второй и начал всматриваться в щели решетки. Укрытый за выступом Павлука унимал пульс. Сердце стучало так, что казалось, его могли слышать снаружи. Пять лет крепости! Именно столько полагалось шпионам по имперскому закону. И это еще что... Кроацция-Славония, а также Босния с Герцеговиной имели свои собственные законы, и по ним за шпионаж вешали.

Агенты проверили каплицу, заглянули под все окрестные кусты, успокоились и попрятались. Вокруг снова стало тихо. До появления маршрутника оставалось еще больше часа, но Павел провел его как на иголках. Холод и сырость донимали штабс-капитана все

сильнее, но о гимнастике думать уже не приходилось. Единственное, что себе позволил, — это напрягать и расслаблять мышцы рук и плечевого пояса в статике, без движения, по методу циркового борца Ивана Засса. Побоялся он и хлебнуть из фляжки. Вдруг филер стоит за стенкой и услышит шум? Да и пить теперь было опасно, требовалась ясная голова. В ней билась только одна мысль: как же они проведали? Засада заняла позиции заранее, значит, место и время враг знал!

Наконец сквозь прутья решетки Лыков-Нефедьев увидел агента. Тот явился в переходном♦ пальто бордового цвета и в шляпе с блестящей на солнце серебряной лентой. М-да... Халамидник, мысленно обозвал подчиненного Павел любимым ругательством Азвестопуло. Догадался же так вырядиться на конспиративную встречу. Теперь он пропал — австрияки своего не упустят...♦♦

Между тем подпоручик остановился возле нужной могилы и не спеша закурил. При этом папиросу он опять держал в левой руке, а правую сунул в карман. На всякий случай повторял сигнал закладки... Русские старались не передавать секретные бумаги друг другу на встрече, а только показывали, где их потом нужно взять. Если бы Яцевич послал пакет до востребования на центральный почтамт Лемберга, он держал бы курево в правой руке. И тогда забрать донесение уже нельзя — схватят в момент приема... А так следовало, что бумаги ушли по запасному варианту и есть шанс получить их. «Почтовый ящик» находился в монасты-

♦ *Переходное* — демисезонное.

♦♦ Арестованного в марте 1913 года во Львове за шпионаж русского подпоручика Яцевича через три месяца обменяли на оберлейтенанта австрийской армии Валолоха, попавшего в русскую контрразведке.

ре бенедиктинок на Вечевой площади. Уже десять лет сестры содержали у себя школу для девочек. Учитель этой школы, русин по национальности (и католик!), работал на русскую разведку. Почту ему передавали тайком во время служб специально нанятые женщины. Они получали за свои услуги хорошую плату и считали, что помогают контрабандистам. Четыре или пять пронырливых теток шли клином, своими телами закрывая от чужих взоров подругу с пакетом. Филерам было почти невозможно отследить момент передачи почты в тесном пространстве костела.

Шансы есть, повторил про себя штабс-капитан. Надо только выбраться отсюда незамеченным, а делать это при свете дня рискованно. И он, дождавшись, когда маршрут-ник ушел, опять присел на газеты в дальнем углу.

Потянулось длительное ожидание. Еще около часа по аллее шныряли филеры, вглядываясь в лица прохожих. Затем они исчезли, что вовсе не означало, что Павлуке можно выходить. Ему пришлось ждать темноты и дважды справить малую нужду в склепе... Хотя склеп был католический, православному русскому было очень неловко, да куда денешься?

В сумерках, также через ботанический сад, он выбрался в город и укрылся на съемной квартире. Хвоста за ним не было, либо разведчика вели очень опытные наружники. На всякий случай штабс-капитан проверился через кавярню♦ пана Володзимежа возле часовни Боимов, где всегда толпились люди, а три выхода помогли скрыться незаметно.

♦ Кавярня — кофейня.

Квартира находилась у Губернаторских валов. Небогатый отставник, ищущий места, не мог позволить себе большие траты, потому приют выбрал скромный. Зато и здесь имелось три выхода. Поспав кое-как несколько часов, Лыков-Нефедьев вышел из дому на рассвете и отправился на Рынок. Площадь уже заполнили торговцы, они раскладывали товары и вяло переговаривались. Учитель из школы бенедиктинок толкался в зеленому ряду. Заметив разведчика, он зашагал прочь. Да будут благословенны старые города с кривыми улицами, узкими переулками и темными подворотнями! В одной из таких подворотен штабс-капитан рывком догнал связника, сунул ему банкнот в сто крон, а взамен получил тощий конверт. Ну? Волнуясь, он почти бегом двинул по давно изученному маршруту вокруг Латинского собора. Там имелись спасительные щели между дровяными сараями, которые выводили знающего человека куда надо.

Через час, переводя дух, Павел стоял на пороге своей явочной квартиры близ Песьего Рынка. Он приготовил ее еще зимой, оплатил на полгода вперед и надеялся отсидеться там в безопасности. С самого приезда во Львов два дня назад Лыков-Нефедьев здесь не появлялся. Только попросил письмом хозяина запasti пиво и легкую закуску. Теперь он намеревался отдохнуть, собраться с мыслями и принять решение — как выбираться из ловушки. Было ясно, что контрразведка, не сумев захватить агента на кладбище, пере-

кроет все выходы из города. Яцевича наверняка уже допрашивают. Этот адрес никто не знает, найти Павла быстро у австрийцев не получится. Тем плотнее будут заставы.

Но сначала он хотел прочитать письмо. Столько опасностей пришлось преодолеть, а за-ради чего? Павел вскрыл конверт и стал читать донесение, одно-временно запоминая его.

Итак, о польских делах... Яцевич был всего-навсего курьер, а сведения сообщал резидент в Галиции, кото-рого штабс-капитан лично завербовал в Перемышле год назад. Огеньквар берег его как зеницу ока. Еще бы: агент сидел в крепости на реке Сан, которую, случись война, придется брать штурмом. Пока же резидент про-ник в канцелярию местного стрелкового союза и узнал много интересного.

Он сообщал, что Пилсудский был назначен главным комендантом вновь созданной организации «Союз ак-тивной борьбы» (САБ). И открыл его тайные отделе-ния в Петербурге и Варшаве. А казначеем Польской военной казны стал ближайший сотрудник комендан-та Анджей Сливинский. Таким образом, пилсудчики теперь полностью контролировали как военные, так и финансовые вопросы повстанческого движения. Казне начала активно помогать Полония (это было общее название всех польских эмигрантских органи-заций в Америке). Счет пожертвований «на освобож-дение Польши» сразу же достиг десятков тысяч крон в месяц.

Не терял времени и австрийский Генеральный штаб. Он поддержал польский ирредентизм♦. Стрелковые союзы были подчинены местным органам ландвера♦♦ в рамках допризывной подготовки. Им отписали три тысячи карабинов и патроны к ним, а также три тонны взрывчатки. Причем оружие и взрывчатка остались на армейских складах, они должны были попасть в руки поляков только после объявления войны России. Кроме этого, выделили и деньги: двадцать тысяч крон на развитие союзов и еще десять тысяч на пополнение Польской военной казны.

Пятого октября прошлого, 1912 года Пилсудский отдал приказ по САБ: членам союза добровольно отправиться в русские губернии бывшего Царства Польского и начать там подготовку к вооруженному восстанию. Галицию тогда переполнили молодые паньчи, которые бойкотировали русское высшее образование и приехали поступать во Львовский и Краковский университеты. Как раз начиналась Первая Балканская война. Атаман рассчитывал, что поднимется мутная вода и в ней сама собой созреет революционная ситуация. Но жизнь показала, что Пилсудский торопил события. В Россию тайком пробрались не более тридцати человек, остальные и не подумали выполнять приказ.

Десятого ноября 1912 года в Вене состоялась конференция представителей семи партий из русской и австрийской частей Польши. Они договорились в случае войны Австро-Венгрии с Россией сформировать временное правительство Царства Польского, которое

♦ *Ирредентизм* — в XIX — начале XX века движение по объединению народа, разобщенного по разным государствам, в одно национальное государство.

♦ ♦ *Ландвер* — запас регулярной армии в Австрии и Германии.

объявит свою войну Николаю Романову. На деньги Габсбургов. Конференция объединила наиболее крупные структуры ирредентистов: Польский военный союз, военизированную крестьянскую организацию «Союз Бартоша», Легион независимости, Польскую армию, молодежное общество «Зет», Партию национальных демократов. Формировался единый фронт на случай чрезвычайных обстоятельств.

Для углубленной подготовки будущих командиров были созданы офицерские курсы в Кракове и унтер-офицерские — во Львове. А в селе Струж в окрестностях Лимановы готовилось открытие школы инструкторов Стрелкового союза. Сам Пилсудский намеревался вести там занятия по тактике революционных войн и по военной географии Царства Польского как будущего театра военных действий.

Депутат российской Государственной думы Савенко опубликовал в газете «Киевлянин» подлинные документы о сотрудничестве Пилсудского с австрийским Генеральным штабом. Общественность Галиции сочла это провокацией. Но те, кто знал правду, поняли, что русская контрразведка в курсе происходящего. Юзеф Рыбак и его люди замечались. Польские полувоенные структуры охотно пришли им на помощь. Резидент в Перемышле писал, что добывать сведения стало очень опасно. Пилсудчики усердно ищут предателей. Поскольку само общество на их стороне, добровольных помощников пруд пруди, и легко попасться, когда за тобой приглядывает столько глаз. В феврале-марте

в тюрьму угодило несколько агентов, завербованных Батюшиным и Галкиным. Вся разведывательная сеть в Галиции оказалась под угрозой провала.

Полковник Батюшин являлся начальником разведывательного отделения Варшавского военного округа, а полковник Галкин выполнял те же обязанности в Киевском округе. Эти два человека руководили шпионажем против Австро-Венгрии, а Батюшин действовал также и в Германии, в силу географического положения Варшавы. Теперь их противники мобилизовали против русской агентуры фактически все польское население Галиции. Положение уцелевших агентов осложнилось. Резидент писал, что временно прекращает шпионскую деятельность. И сам выйдет на Лыкова-Нефедьева по прежнему каналу связи — когда сочтет, что угроза миновала...

В конце письма агент сообщал любопытный факт. Пятьсот килограммов динамита было отправлено в Смоленскую губернию в целях активной разведки. В переводе на обычный язык это означало — для диверсий. В частности, планировалась порча искусственных сооружений на железной дороге. Ни больше ни меньше! Австрийский резидент, руководитель операции, проходил под псевдонимом Людвиг. О нем удалось узнать лишь одно: что он проник в Россию несколько лет назад под видом дезертира. Как звали этого человека сейчас, где именно он осел — таких сведений не имелось.

Штабс-капитан знал об этой уловке Эвиденцбюро. С 1901 года оно засылало в Россию офицеров под ви-

дом солдат-дезертиров. Наше правительство селило их в центральных европейских губерниях. Выдавало вид на жительство, ставило на год под надзор полиции и быстро забывало о существовании беглецов. Те ждали год, натурализовались, женились, заводили себе дело, перебирались в другую губернию — и исчезали из виду. Следы бывших дезертиров терялись, да и паспорта можно было купить на другое имя. Так агентура Эвиденцбюро расплзалась по стране. Людвиг стал одним из таких агентов глубокого залегания. Он дорос уже до поста резидента и был готов к активным операциям... Но почему Смоленск? Глубина осведомления разведки — пятьсот пятьдесят верст территории противника. А от Смоленска до границы больше тысячи. Город «тыловой», там нет недовольных режимом поляков. Это второй эшелон грядущей войны — пока еще туда доберется фронт... Но человек из Перемышля прямо указал: порча искусственных сооружений. Видимо, австрийцы готовят диверсионные отряды не только в прифронтовой зоне, но чуть ли не до Москвы. Чтобы затруднить переброску войск в нужное время. Э-хе-хе...

Еще одна фраза в донесении привлекла особое внимание штабс-капитана. Резидент сообщал: взрывчатка в Смоленске спрятана ненадежно и некий источник № 184 рекомендует переправить ее в более скрытное место, а именно в холодильник. Сидя в Перемышле, он не знал, что это за источник. Но Лыков-Нефедьев был в курсе: так в австро-венгерской разведке называли